

Title	<В честь столетия со дня рождения В. В. Хлебникова>ВОДНЫЙ ЛАБИРИНТ, ГОРОД СМЕШАННОЙ КРОВИ : Хлебников и Астрахань
Author(s)	КАМЕЯМА, Икүо
Citation	Acta Slavica Iaponica, 4, 132-145
Issue Date	1986
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/7957
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034110.pdf

ВОДНЫЙ ЛАБИРИНТ, ГОРОД СМЕШАННОЙ КРОВИ

— Хлебников и Астрахань —

Икуо КАМЕЯМА

1

«Современем когда Мы станет богом, речные русла всех мыслей будут течь с высот единой мысли.

Но мы не боги, а потому будем течь как реки в море общего будущего. Оттуда, где расположен опыт каждого течь — то Волгой, то Тереком, то Яиком — в общее море единого будущего.

Будем избегать средневековых споров о числе волос на бороде бога.»¹

Астрахань, расположенная в тылу дельты и устья Волги, известна с древних пор как один из узловых пунктов торговли Востока и Запада. Д. Мирский, критик 1920–30 годов, назвал ее «самым голым, самым онтологическим из русских городов, караван-сараям, окруженным стихиями — пустыней и водой» и считал «одним из ключей к Хлебникову»². Астрахань на самом деле не только занимает важное место в его биографии как родина поэта, но и представляет собой символическое, иногда космическое значение в его мировоззрении. Его утопическая фантазия проявляется в тесной связи со стремлением к Астрахани. Своеобразный космополитизм, найденный, например, в уникальной идее «Правительства Земного Шара», не превратился в идею «неизвестного происхождения». Чтобы приблизиться к поэтическому миру Хлебникова, понять его, необходимо изучать историю и топографию Астрахани и ее окрестностей.³

Астраханский край — это своего рода перекресток при передвижении народов Азии. Не перечислишь народов, прошедших в эти «ворота из Азии в Европу»: проходили этим перекрестком скифы, аланы, уйгры, гунны, обры, мадьяры, болгары, хвалисы, половцы и татары — монголы и т. д. Только в половине 16 века появились русские в истории Астрахани, когда астраханское ханство, построенное потомками Золотой Орды, было завоевано войсками Ивана IV-го. При Петре I-ом была построена верфь и этим заложен путь для дальнейшего развития города. Но весь город был окутан азиатской атмосферой. Переселение из Средней Азии, Ирана, Индии не выводится: в окрестностях города были разбросаны слободы татар, армян и кибитки калмыков, киргизов. В Астрахани, обратившейся в своего рода тигель народов, рождались своеобразные поколения татар «агрыжанских» от сожительства с индийцами, первыми переселенцами из Азии, «гилянских татар» с персами, «бухарских татар» с бухарцами. Астрахань пред-

ставляла облик, подобающий названию города смешанной крови, где скрещиваются разные крови Азии.

История города Астрахани тесно связана с историей Волги. В низовьях она ответвляется приблизительно в двести притоков, и создает именно «водный лабиринт» с «тихими коридорами камышей»⁴. В устьях она становится беспредельно широким течением и, составляя 70 песчаных мелей, втекает медленно в Каспийское море. Если можно считать Астрахань городом-символом, пространственно-сгущающим свои исторические метаморфозы в мировоззрении Хлебникова, то Волга — метафизическая река, втекающая вне времени и истории в «общее море единого будущего». Метафора «времыши — камыши», появляющаяся в раннем Хлебникове, наверно, была навеяна ландшафтом дельты, где встречаются Волга и Каспийское море.

Времыши — камыши
 На озера береге,
 Где камня временем
 Где время камнем.⁵

В этой метафоре отражается идея вечного возвращения, которая охватывала поэта всю жизнь. Но красота природы в устьях Волги этим не исчерпывается. За зарослями камышей, как будто скрываясь, расцветают цветы лотоса. В январе 1915 года поэт приложил эту «каспийскую розу» к письму художнику М. Матюшину и писал так: «Хорошо бы летом из Перми на особой беляне устроить поход Аргонавтов за лотос в Астрахань»⁶. Не известно, в какой степени он имел в виду конкретное значение под этим «походом», уподоблявшимся легенде золотого руна. А впрочем, символика лотоса неустанно возбуждала поэтическое воображение Хлебникова, мечтающего о «прогулке в Индию» (V-298). В другом письме того же года он называет его «залогом союза трех: Индии + России + Ниппона»⁷. Также незабываема следующая фраза в утопической поэме «Ладмира».

И изречения Дзонкавы
 Смешает с чистою росой,
 Срывая лепестки купавы,
 Славянка с русою косой.⁸

Несомненно, что поэт, очарованный цветами лотоса, понимал, хотя и смутно, его символические смыслы. По В. Топорову, исходное значение лотоса — животворная сила, связанная с женским началом. В Индии он олицетворяет богиню-мать и выступает как образ возникновения мира из космических вод, на которой покоится спящий Вишну.⁹ Вероятно, в поэтическом мировоззрении Хлебникова воде Каспийского моря придавалось глубокое значение, также как космической воде в индийской мифологии.

Астрахань, с другой стороны, имеет глубокую связь с историей калмыков.

Строго говоря, Астрахань — это вторая родина поэта. Как он сам пишет в одной автобиографической заметке, он родился «в стане монгольских исповедующих Будду кочевников» (НП-352). Это Малые Дербеты. Этот маленький улус, расположенный в окрестности Волгограда, бывшего Царицына, — был частью астраханской губернии до революции, а теперь принадлежит к Калмыцкой АССР. «Монгольские кочевники», сказано здесь, — это калмыки, добравшиеся до Волги из западной Монголии в начале 17 века. Как всем известно, религией калмыков является буддизм (рамаизм) и их оседлость считается единственным миром буддизма в Европе. «Дзонкава», о котором поэт упоминает в цитированных выше строках, — основатель рамаизма в Тибете. Он и в других местах называл его «великим учителем монголов» и «Сократом пустынной Азии».¹⁰ Хотя он русский, смешанный с армянской кровью, он проявляет глубокий интерес к тому генетическому смыслу, который символизирует место своего рождения — к «Стране» калмыков. Не случайно, что он считал себя «монгольским мальчиком, задумавшимся о судьбах своего народа», и естественно, что в его поэтической фантазии смешивается тоска по калмыцкой степи и жизни калмыков, где прошло шесть лет жизни поэта. В одних ретроспективных стихах он поет о своем детстве:

Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды,
Кругообразные кибитки,
Моря овец, чьи лица однообразно-худы. . .
Так дни текли, за ними годы!¹¹

Но золотые дни его детства продолжились недолго. Его юность прошла в постоянных переездах: Волынь, Симбирск, Казань, Петербург. . . и, наконец, Астрахань в сентябре 1911 года через 20 лет. Тогда ему уже перевалило за 25 лет. С той поры Астрахань становится городом, непрестанно возбуждающим его утопическую фантазию, переполненную мечтой о «прогулке в Индию».

Тоска по Астрахани была нуудержной. Почти каждый год он возвращался в Астрахань, после того, как он был признан «королем русской поэзии», «королем времени» (V — 333) соратниками русского кубофутуризма. Астрахань была не просто «материальной базой»¹² в такое трудное время как мировая война, революция, гражданская война. В своей попытке мифологизировать свою родину, он позитивно пытался поддержать свое душевное я. Другими словами, он хотел защитить себя от «шума времени». На самом деле, повторные возвращения на родину часто мешали ему принимать участие в карнавальном восторге, охватившем всех художников — авангардистов Москвы и Петрограда. Нельзя сказать, что Хлебникову была чужда революционная восторженность. Его утопическая идея «Председателей Земного Шара», например, живо передает революционную атмосферу. Но его мечта стать часовщиком человечества была пришпорена в полной изолированности от «шума времени». Поучительно указание К. Зелинского, что кроме Д. Бедного Хлебников был плодотворнее всех в период революции.¹³

Но самое главное — то, что Хлебникова влекла, тянула туда почти физическая потребность наслаждаться живыми чувствами, принесенными жарким воздухом южной страны и холодной водой Каспийского моря, и неутолимое желание почувствовать «ритм человечества». Возвращение на родину — это не столько одно из его бесцельных скитальчеств, сколько путешествие своего рода с центростремительной силой. Он возвращается то в совершенном изнеможении от жизни в столицах, то не дожидаясь наступления весны убегал из столиц, страдающих от недостатка продовольствия и припасов. Но его «голод пространства», по существу, если можно так выразиться, был существенным порывом вроде возвращения в лоно матки. В Астрахани в нем рождается такое ощущение, будто он стоит в центре своего поэтического космоса.

2

Как выше сказано, Хлебников пытался черпать мотивы из источника истории города Астрахани. Астрахань для него уже не простой заштатный город, а превращается в какую-то открытую книгу, куда вписаны удивительные исторические фантазии поэта. Рассмотрим их образы через поэму «Хаджи Тархан», заголовок которой происходит от татарского названия Астрахани. Поэма начинается описанием пейзажа дельты в устьях Волги и калмыцкой легендой о горе Богдо.

Где Волга прынула стрелою
 На хохот моря молодого,
 Гора Богдо своей чертою
 Темнеет взору рыболова. (Л-41)

Согласно калмыцкой легенде, гора Богдо принесена двумя подвижниками по велению далай-ламы с берегов Урала на Волгу.¹⁴ Уже во вступительной части заметно проявляется мировоззрение поэта, насыщенной густой языческой атмосферой Азии. Главная попытка Хлебникова в поэме «Хаджи Тархане» состоит в том, чтобы обрисовать Астрахань как перекресток культур Востока и Запада. Он видит во всех пейзажах следы разных исторических времен. Конечно он не соблюдает хронологический метод. Древний мир Греции, Рима, Индии, Африки воскресают как мираж в устьях Волги и в песчаных пустынях. Мечети и минареты свидетельствуют о громадном влиянии Исламской культуры на историю Астрахани.

Ах, мусульмане, те же русские
 И русским может быть Ислам. (Л-48)

В воображении Хлебникова полуразрушенная башня в пустыне вызывает

фантазию Ассирии.

Другую жизнь узнал тот угол,
Где смотрит Африкой Россия.
Изгиб бровей людей где кругол,
А отблеск лиц и чист и смугол,
Где дышит в башнях Ассирия. (Л-44)

И в устьях Волги воскресает мифический мир древнего Египта.

Но здесь когда-то был Озирис.
Тот город, он море стерег! (Л-49)

К тому же он обращает внимание на тот факт, что Волга была названа древнегреческими учеными «Ра», означающая бога солнца в Египетской мифологии.

Настала красная пора
В низовьях мчащегося Ра. (Л-46)

Для Хлебникова Астрахань была колыбелью антигерманизма. Это тесно связано с его стремлением к Азии.

И в звуках имени Хвалынского
Живет донныне смерть Волянского,
И скорбь безглавых похорон
Таится в песне тех сторон. (Л-48)

Каспийское море было названо раньше «Хвалынским морем» в связи с именем племени хвалисов. Волянский, рифмующийся с этим словом, — государственный деятель, который потерпел поражение в борьбе с Бироном, пытавшимся укрепить германскую дисциплину при Анне Ивановой, и обезглавлен. В основе этой поэмы лежит конфликт между двумя культурами: Астрахань и Петербургом. Для Хлебникова Петербург, «окно в Европу», остается объектом осуждения.

Одной из главнейших тем Хлебникова является тема Степана Разина. Он был одержим образом этого народного героя. В «Хаджи Тархане» тихо звучит тема Разина.

И Волги бег забыл привычку
Носить разбойников суда,
Священный клич «сарынь на кичку»
Здесь не услышать никогда. (Л-45)

Тема Разина, разумеется, была и символом антипода европоцентризма и восхваления народной культуры, присущих русскому кубофутуризму. Но Хлебников, особенно в последние годы, отождествляет свою несчастную судьбу не-

признанного пророка с трагической судьбой Степана Разина. В поэме «Разина», написанной приемом палиндрома, Разин становится портретом самого поэта.

Я Разин со знаменем Лобачевского логов.

Во головах свеча, боль: мене ман, засни заря. (I-202)

Но самый большой, самый существенный смысл для Хлебникова имела географическая близость Астрахани к Индии. Эта проблема не просто географическая. В «Хаджи Тархане» он пишет так:

В зеркалах моря сиротя

С селедкой плавают тюлени,

Сквозь русских в Индию, в окно

Возили ружья и зерно

Купца суда. Теперь их нет. (Л-45)

Ярчайшим примером его стремления к Индии служит рассказ «Есир», написанный в 1916 году. Молодой рыбак Истома, живущий на одном островке Каспийского моря, был похищен разбойниками на обратном пути из Астрахани и попал через год в Индию. После пятилетнего пребывания в Индии он снова возвращается на родину, но там он видит, что все прежнее угасло, как призрак, кроме «сломанного весла, которым когда-то правил» (IV-104). Местами действия этого рассказа являются Астрахань 17 века, «охваченная тогда славой Разина» (IV-87), и Золотая орда и Индия во время восстания Саваджи «против коварного Ауренгзиппа» (IV-89). Этот рассказ можно считать поэтической практикой его давнишней мечты о «прогулке в Индию». Здесь мы хотим обратить внимание на маленький переходный эпизод в первой половине рассказа, где рыбак Истома задумывается, видя брамина, с которым он встретился на берегу Волги. Анализируя эту сцену, выясним более обстоятельно значение Астрахани как главного поэтического топоса Хлебникова.

«А брамин попрежнему стоял над темной водой. О чем он думал? Как ежегодно привозят верблюды священную воду Ганга? И как, будто среди молитвенных голосов, совершается обряд свадьбы двух рек, когда из длинно—горлого кувшина рукой жреца вода Ганга проливается в темные воды Волги — Северной невесты!» (IV-92)

Пока не найдено исторических доказательств, которые бы подтвердили, что в самом деле совершали этот обряд свадьбы две реки. Но и будучи продуктом чисто-мифического воображения поэта, он, несомненно, носит в себе глубокую символичность. Как известно, индусы чтят Ганг как реку, где они сами очищаются, и как реку, по которой восходят мертвые к небесному раю. Символично и то, что индуссы, первые переселенцы из Азии, живущие в

Астрахани, уподобляли Волгу Гангу для сохранения места своей молитвы. Но это замечание мы делаем попутно. Дело в том, что Хлебников здесь отождествляет образ воды с образом крови. Иначе говоря, образ воды двух рех превращается в образ крови через обряд свадьбы. Заранее скажем, что Хлебников здесь видит аллегорический образ смешанной крови народов России и Индии. Для него такая символическая идентификация не являлась простой выдумкой,¹⁵ о чем свидетельствует стихотворение «Были вещи слишком сини», написанной под непосредственным впечатлением от Русско-японской войны 1905 года.

Мы клятву даем :
 Вновь оросить своей и вашей
 Кровию — сей сияющий
 Беспредельный водоем. (П -32)

Нельзя ставить эту символику, найденную в обоих стихах, на один уровень. Но здесь речь идет об ориентации его поэтического воображения, пронизывающей этот образ. Нам кажется, что к его мировоззрению данного момента прибавилась воинственная и наивная вера в целомудренность крови русского народа, подкрепленная фанатизмом панслависта. Но он в дальнейшем увидит бесплодность такой политической позиции. Его попытка найти «закон времени», его стремление предвидеть будущее России, — свидетельство большой внутренней работы националиста пересмотреть свое государственное сознание. Он оказался перед дилеммой: искренне молясь о возрождении России, он не может надеяться на будущее Царской России. Где можно найти выход из этого тупика? Панславистская иллюзия в конце концов рухнет в 1916 году, когда он впервые служил в солдатах в Царицыне, хотя признаки крушения этой иллюзии наблюдались уже в 1911 году. В «Песни мне» он пишет :

Земля гробниц старинных скифов,
 Страна мечетей, снов халифов,
 В ней Висла, море и Амур
 Перун, наука и амур.
 Сей разноязычный кровей стан
 Окуй, российское железо! (НП -206)

Для Хлебникова обширность страны России является не только огромностью территории, но и гибридность культур, начиная с греческой, кончая азийской. Поэт здесь призывает к объединению всех народов, живущих в России. Он продолжает так :

Пусть произойдет кровосмешение !
 Братья полюбимте <нрзб> друг друга.

Судьбы железное решенье
 Прочесть я мог в часы досуга.
 Так молодой когда — то орончон
 Любил коварную сестру
 И после проклял, научен,
 Ушел к близмлечному костру. (НП-206)

Хочется обратить внимание на то, что здесь совсем неожиданно появляется мотив кровосмешения орончонской мифологии. В первых двух строках он уподобляет объединение народов «кровосмешению». Но с 3-й строки смысл «кровосмешения» совсем изменяется.

У Хлебникова впервые появляется мотив орончонской мифологии в 1911 году. В «Своих» он пишет о рождении поэмы «Дети выдры», в которой он пытался построить «азиатский голос» (П-8): «Сказания орончей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить общеазиатское сознание в песнях.» (П-7). Кроме этой поэмы заимствованы орончонские мотивы и в таких вещах, как «Пламена», орончонская повесть «Око» и статья «О расширении пределов русской словесности».¹⁶ Но встреча с орончонской мифологией была важна именно в том смысле, что это было первым проявлением интереса, точнее, сознательного приближения к Азии. До 1911 нигде у Хлебникова нельзя найти темы Азии. Здесь мы исключаем его душевную травму, принесенную «Цусимой», и биографический факт, что он подал заявление о переводе его на факультет восточных языков по разряду санскритской словесности. До этого времени главным местом его поэзии была Киевская Русь. Лучшим примером является «Девий бог» — драматическая поэма с появлением Диониса в ней. В этой поэме он хотел изобразить «славянское чистое начало» (П-7), соединяющее Волгу и Грецию. Но он не стремился к идейному возвращению к христианскому началу на заре древнерусской культуры. Именно в принятии христианства он видел причину ослабления государственной мощи России, обнаруживающегося во многих случаях, в том числе в поражении в русско-японской войне. Думается, что душевная перемена у Хлебникова зародилась еще в конце 1911 года под влиянием, с одной стороны, орончонской мифологии, которая покорила сердце поэта, с другой стороны, под влиянием города Астрахани, куда он возвратился после 20-летнего отсутствия. Нельзя упускать из виду это хронологическое совпадение.

Хлебникова поразила, вероятно, тема кровосмешения брата и сестры в орончонской мифологии. Используя ее в своих стихах, он одобрил «кровосмешение» народов России, хотя резко отрицал «кровосмешение» России в прошлом. В нем тогда кипело негодование и на упрямство народов, твердо соблюдающих целомудренность своей крови. В целом же его понимание, представляется, было таковым: Россия сама нарушает этот запрет «кровосмешения» так же, как орончонские брат и сестра.

Отцов ненавижим вину.
 Будем русскому вину
 Сосуды крепки и чугуны,
 Будем мы гунны. (НП-207)

Хлебников обвиняет «отцов», подобно тому, как потомки обвиняли ороchonских брата и сестру. И то, что он, надеясь на будущее России, тогда призвал к кровосмешению народов, живущих в ней, означает, что в его фанатическом панславизме возникла зияющая трещина. Именно здесь был выход Хлебникова из глубокого идейного тупика, в котором он так долго находился. Очень оптимистично и убедительно звучит призывание к созданию «разноязычного кровей стана» путем скрещивания разных кровей, народов. Ведь если бы его мышление еще оставалось в парадигме панславизма, то оно было бы близко к идейному приближению к Азии.

3

Хлебников в последний раз приехал в Астрахань летом 1918 года. Его пребывание продолжалось до весны 1919 года. И в этот период сильнее всех разгорелась его мечта о «прогулке в Индию». Когда он вместе с поэтом Р. Ивневым предпринял маленькую поездку в дельту Волги в связи с проектом открытия заповедника, он был потрясен красотой лотоса и набросал на теплоходе «Почин» два манифеста «Индорусский союз», «Азосоюз»¹⁷. В «Индорусском-союзе» он пишет: «В Астрахани, соединяющей три мира — арийский, индийский и каспийский, треугольника Христа, Будда и Магомета волею судьбы образован этот союз». Здесь он заново призвал к союзу азийских народов: Китай, Индия, Персия, Россия, Сиам, Афганистан. В конце манифеста он заявил о своей утопической идее свободы земного шара, одним из председателей которого является сам Хлебников.

«Наш путь к единство звезды через здинство Азии и через свободу материка к свободе земного шара. Мы идем по этому пути не как деятель смерти, а как молодые Вишну в рубахах рабочего.

Песни и слово — наше волшебное оружие. . . .

Пусть татуировка государств будет смыта с тела Азии волей арийц. Уделы Азии соединяются в остров. . . . Великие мысли рождаются около великих озер. Здесь у самого большого озера в мире родилась мысль о самом большом острове мира.»¹⁸

Его понятие пространства здесь решительно видоизменяется. Самый большой остров мира, упомянутый здесь — не что иное, как единая Азия. Азия уже не географический топос, а, представляется, лоно всего человечества.

Кроме манифеста «Индорусский союз» есть статья, не менее важная для понимания его точки зрения на Азию в целом. Это статья «Открытие народного университета», опубликованная в газете «Красный воин» — орган Астраханского военного совета. Здесь он опять, используя средство символической идентификации воды и крови, призывает к «кровосмешению» народов Азии. Нам хочется обратить особое внимание на то, что речь идет не о союзе, а именно о «кровосмешении» народов Азии.

«Думалось, что у устья Волги встречаются великие волны России, Китая и Индии и что здесь будет построен Храм изучения человеческих пород и законов наследственности, чтобы созданием скрещиванием племен новую породу людей будущих насельников Азии, проследование индусской литературы будет напоминать, что Астрахань — окно в Индию». (НП-351)

Эта статья на первый взгляд играет подсобную роль к манифесту «Индорусский союз», однако она свидетельствует о том, что именно здесь утопическая идея В. Хлебникова о единой Азии в конце концов обрела свои конкретные очертания. Призыв к созданию «новой породы людей будущих насельников Азии» скрещиванием племен — сам собой очень логичен и бесспорен с точки зрения генетики. Но с общечеловеческих позиций Хлебников может быть оправдан только тем, что считал себя верным «сыном Азии» (НП-472). Эта идея скрещивания племен является, с одной стороны, проявлением духа татар, порождавшего разнообразные виды смешения крови, с другой стороны — отражением духа самого Астраханского края.

Следует обратить внимание на то, что мотив «обряда свадьбы двух рек» повторяется еще раз в 1921 году, когда Хлебников уезжал в Персию с частями Красной армии во время Гилянской революции. Его конечной целью явилась поездка в Индию через Иран, какую он нарисовал в своем рассказе «Есир», но она не была осуществлена. Он возвратился в Россию, будучи подавлен, по словам одной мемуаристки, древностью многовековой культуры Персии, тяжесть которой «чувствовалося во всем, даже в красных цветах гранаты».¹⁹ Но там он написал стихотворение «Испаганский верблюд», в котором в новом виде изложил мечту о солидарности России и Индии в будущем.

Раньше из Ганга священную воду
В шкурах овечьих верблюды носили,
Чтоб брызнуть по водам свинцовым на Волге, реке дикарей.

Этот из меди верблюд чернильные струи
 От Волги до Ганга
 Нести обречен.
 Не расплещи же,
 Путник пустыни стола,
 Боченок с чернилами. (III-132)

«Испаганский верблюд» — медная чернильница, стоящая на столе Р. Абиха, известного ираниста, с которым познакомился поэт во время пребывания в Персии. В первых трех строках повторяется тот же мотив, который был в рассказе «Есир». Но с 4-й строки появляется новый мотив «чернильные струи», — символическое сопоставление воды и чернил. Образ чернил считается одним из главных символов поэтического мышления Хлебникова. Здесь мы должны обратить внимание на то, что поэт в этот период очень часто употребляет образ чернил, который составляет метонимию его попытки найти «закон времени». Приведу пример из записной книжки, написанный перед самым отъездом в Персию.

«Люди делали счет времени военной кровью, мечом.
 Отсюда войны прекратятся тогда, когда люди научатся
 делать счет времени чернилами.

Война обратила вселенную в чернильницу с кровью и
 хотела в ней утопить жалкого, смешного писателя. А
 писатель хочет войну утопить в своей чернильнице, самую
 войну.

Вер спор — звук воль.
 Кто победит?» (V-266)

На этот раз сопоставляются образы крови и чернил. «Жалкий» и «смешной писатель» — сам Хлебников. Чернила являются здесь символом мудрости «закона времени», написанного чернилами. Хлебников говорит, что испаганский верблюд вместо воды, в обмен на воду бессмертия Ганга, вносит «закон времени», своего рода книгу бессмертия, в Индию.

Но если образ реки показывает более универсальный путь к «единству звезды», к «свободе земного шара», то нам следует пересмотреть динамичность самого символа воды. Его анализ показывает, что свадьба двух рек, разделенная в категории рода, служит просто одним из переходных вех, который указывает на дальнейшее развитие мировоззрения Хлебникова. Свадьба должна быть рождением чего-то нового. Вполне естественно, что он представляет образ моря, в которое втекают реки. Этим он хочет показать идею возвращения к единству, в котором спит, как Вишну, все человечество сном счастливым «Ладмира».

Обратимся к строкам «Единой книги», написанной в 1920 году. В этих стихах

находим такие же понятия книги, как у С. Полоцкого, поэта украинского барокко,²⁰ и у С. Малларме, французского поэта конца 19 века²¹

Я видел, что черные Веды,
 Коран и Евангелие
 И в шелковых досках
 Книги монголов
 Из праха степей,
 Из кизяка благовонного,
 Как это делает
 Калмычки зарей,
 Сложили костер
 И сами легли на него —
 Белые вдовы в облако дыма скрывались,
 Чтобы ускорить приход
 Книги единой,
 Чьи страницы — большие моря,
 Что трепещет крылами бабочки синей,
 А шелковинка — закладка,
 Где остановился взором читатель,—
 Реки великие синим потоком:
 Волга, где Раина ночью поют,
 Желтый Нил, где молятся солнцу,
 Янцекяннг, где жижа густая людей,
 И ты, Миссисипи, где янки
 Носят штанами звездное небо,
 В звездное небо окутали ноги,
 И Ганг, где темные люди — деревья ума,
 И Дунай, где в белом белые люди
 В белых рубахах стоят над водой,
 И Замбези, где люди черней сапога,
 И бурная Обь, где бога секут
 И ставят в угол глазами
 Во время еды чего — нибудь жирного,
 И Темза, где серая скука.
 Род человечества — книги читатель,
 А на обложке — надпись творца,
 Имя мое — письма голубые.
 Да, ты небрежно читаешь,—
 Больше внимания!
 Слишком рассеян и смотришь лентяем,—

Точно уроки закона божия.
 Эти горные цепи и большие моря,
 Эту единую книгу
 Скоро ты, скоро прочтешь!
 В этих страницах прыгает кит
 И орел, огибая страницу угла,
 Садится на волны морские, груди морей,
 Чтоб отдохнуть на постели орлана. (Л-126, 127)

Книга, — излюбленный образ Хлебникова. Его творчество — сокровищница метафор о книгах. Незабываемо стихотворение «Азия», в котором он создал образ Азии в полном сопоставлении с образами книги. Но образы книги были проникнуты барочной идеей «мир как книга». Метафорическое отождествление микрокосмоса книги с макрокосмосом мира свидетельствует о неистребимом желании владеть всем светом, иметь его в ладонях самого поэта. Не следует забывать, что поэт здесь отождествляется с богом (А на обложке — надпись творца, /Имя мое — письма голубые.) и творцом мира, как в барочном мировоззрении.

Мировоззрение Хлебникова обнаруживает стремление к единству через «смешение» множеств. Именно это является основным принципом Хлебникова. Исходным пунктом его утопической идеи мирового языка тоже является «смешение», по словам поэта «найти волшебный камень превращения всех славянских слов, одно в другое — свободно плавить славянское слово» (II-9). Для Хлебникова все реки и связанные с ними религии всех народов — это только «морской прибой всеобщего единства» (II-168). Все книги, по Хлебникову, должны «сложить костер», чтобы ускорить «приход единой книги». А что же такое «единая книга», которая приходит после того, как сгорели Веды, Коран, Евангелие, книга монголов и т. д.? Она, разумеется, полностью равна идее «единой мысли», о которой говорилось во вступительной цитате данной статьи.

Мир новой Азии? Искренняя вера в тоталитарность самого земного шара? Возможны разные выражения. Но мы хотим обратить внимание на существование книги «Доски судьбы» — свода «закона времени». Так как в них, и даже на самом слове «доска» наложено клеймо первоначального образа книги. Хлебников был одержим поисками образа пророков всю жизнь. Он сам искренне хотел быть часовщиком человечества. Так что его книга должна быть книгой религии самого Хлебникова.

Итак, первоначальная картина, обнаруживающаяся в поэтическом воображении Хлебникова, — это ландшафт устья Волги, где ее преспокойная струя обрушивается «стрелой на хохот моря молодого» — Каспийского моря. В нем он видел космический образ того, как раздробленный, разбитый мир возвращается в лоно «всеобщего единства».

ПРИМЕЧАНИЕ

Данная статья написана на основании доклада, сделанного автором в Институте славяноведения при университете Хоккайдо 21 октября 1985 года в связи с юбилейным столетием В. В. Хлебникова.

- 1 В. В. Хлебников, Собрание произведений в 5-ти томах, Л., 1928-1933, т. 5, стр. 275. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц.
- 2 Д. Мирский, Хлебников, *«Версты»*, 1928, № 3, стр. 146.
- 3 См. Н. Подъ япольский, Астраханский заповедник. Астрахань, 1940. О жизни поэта в Астрахани см. В. Самаренко, В. В. Хлебников и Астраханский край, *«Волга»*, Саратов, 1969, № 6, и А. Парнис, В. Хлебников — сотрудник *«Красного воина»*, *«Литературное обозрение»*, 1980, № 2.
- 4 Энциклопедический словарь, т. 3, изд. Брокгауза и Ефрона, СПб., 1890, стр. 358.
- 5 В. Хлебников, Стихотворения и поэмы, Л., 1960, стр. 72.
- 6 В. Хлебников, Неизданные произведения, М., 1940, стр. 378. В дальнейшем ссылки на это издание даются — НП с указанием страниц.
- 7 См. А. Парнис, *«Это было в Одессе. . .»* — газ. *«Вечерняя Одесса»*, 1976, 28 октября.
- 8 В. Хлебников, Ладмир. Поэмы, стихотворения, Элиста, 1984, стр. 76. В дальнейшем ссылки на это издание даются сокращенно Л. с указанием страниц.
- 9 См. Мифы народов мира, т. 2, М., 1982, стр. 71-72.
- 10 В. Хлебников, Отрывок из Доски судь бы, 1922, стр. 21-22.
- 11 Записная книжка Велемира Хлебникова, М., 1925, стр. 7.
- 12 С. Спасский, Хлебников, *«Литературный современник»*, 1935, № 12, стр. 195.
- 13 К. Зелинский, На рубеже двух эпох, М., 1959, стр. 234.
- 14 См. примечание Р. Дугановым к поэме *«Хаджи Тархан»* (Л — 147).
- 15 См. о символике *«смещения»* воды см. *«Перейдя перешеек, соединяющий водоемы Волги и Лены, заставил несколько пригорышей воды проплыть вместо Каспийского моря в Ледовитое»* (НП-352).
- 16 Cf. H. Baran, Xlebnikov and the Mythology of the Oroches, "Russian Literature", vol. 4.
- 17 А. Парнис, В. Хлебников — сотрудник *«Красного воина»*, стр. 106-107.
- 18 ЦГАЛИ (Центральный Государственный Архив Литературы и Искусства) ф. 527, оп. 1, ед. хр. 112.
- 19 О. Самародова, Поэт на Кавказе, *«Звезда»*, 1972, № 6, стр. 189.
- 20 И. Смирнов, Барокко и опыт поэтической культуры начала XX в. — в кн.: *Славянское барокко*, М., 1979 и И. Камэяма, Мир как книга. — Хлебников и барокко — (японский текст), *«Росия тэтё»*, 1981, № 13.
- 21 О интересе Хлебникова к Малларме, особенно о общей обеим поэтам *«поэтической этимологии»* см. J. C. Lanne, Velimir Khlebnikov — Poete futurien —, Paris, 1983, pp. 61-67.

ADDENDUM

Научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Велемира Хлебникова, проводилась в Институте русской литературы Академии Наук СССР 28-го ноября 1985 г. Во время конференции была открыта выставка, где представлялись рукописные материалы, музейные экспонаты и издания произведений В. Хлебникова. Это была первая официальная конференция, посвященная Хлебникову в Советском Союзе. (ред.)